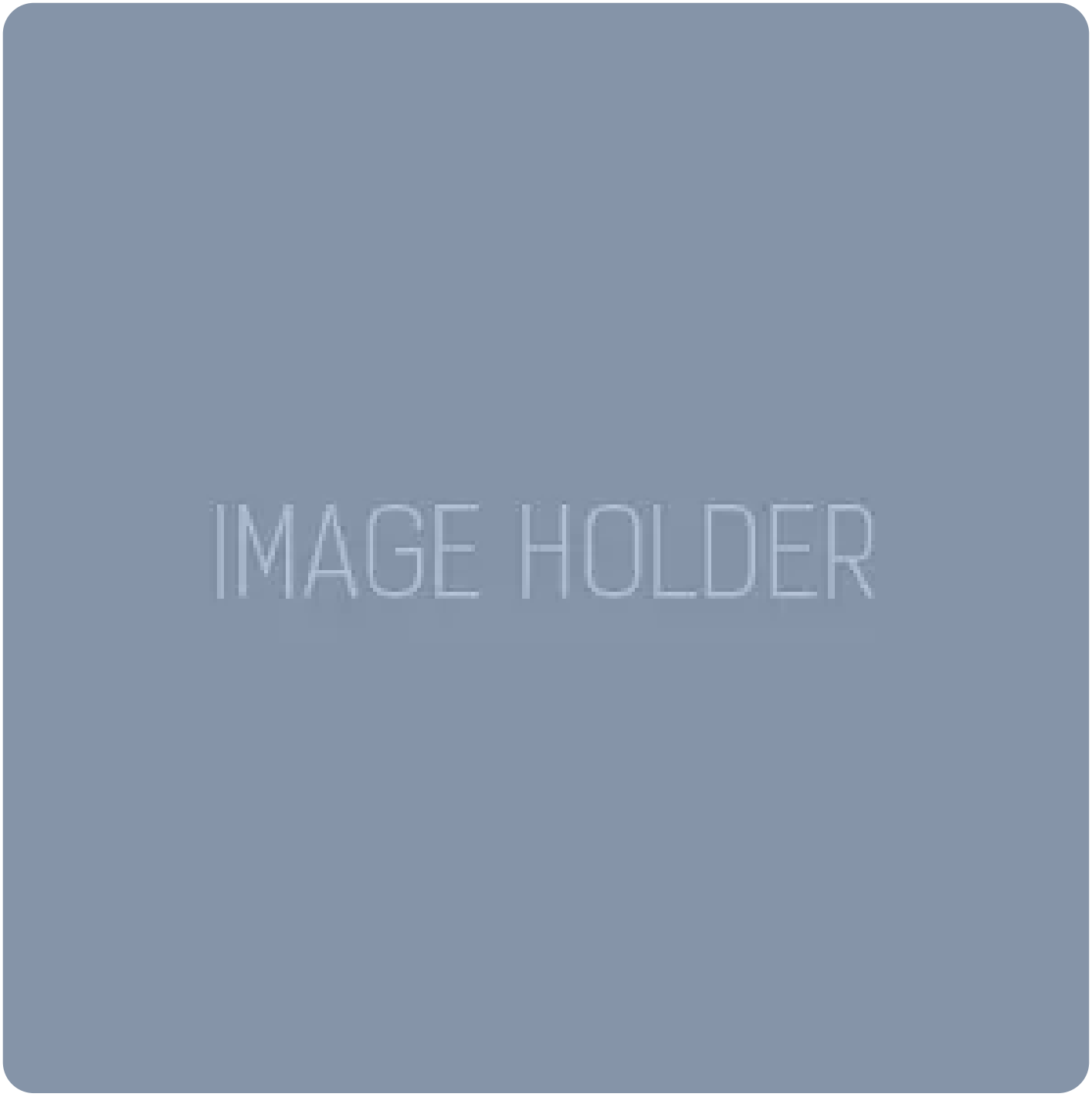

Терра инкогнита

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Рыжук

Ссылка на публикацию

Обветренное лицо от нескончаемых экспедиций, руки, что умело привыкли чертить и твёрдо держать карту; каждый шрам на моих пальцах — это след от упрямого прикосновения к неизвестности: ожог от ледяного ветра высокогорья, порез от острого края окаменелости, глубокая царапина от колючих зарослей,

сквозь которые приходилось прорубать путь. Мои глаза, вечно прищуренные от яркого солнца или слепящего снега, давно разучились смотреть на мир просто так. Во всем, что меня окружает, я подсознательно ищу скрытые закономерности.

Я — археолог-картограф Димитри Осенев, всегда считавший себя прагматиком, привык доверяться только тому, что можно измерить: сеть меридианов, лазерные дальномеры, спутниковые снимки высокого разрешения, хруст плотной миллиметровой бумаги под карандашом с чёткими координатами. Весь мой облик говорил о годах, отданных сухой и точной науке. Век цифровых технологий, казалось, навсегда стер с лица Земли романтику первооткрывателей. Каждая пядь суши была оцифрована, занесена в базы данных и послушно отображалась на экранах мониторов.

Долгое время я прожил в Лиссабоне, занимаясь археологией. Я окончил глав академ центр Лиссбонского университета (Universidade de Lisboa). Там я и познакомился с Хеленой Росс. Она была источниковедом и специалистом по охране культурного наследия из Германии — и, честно говоря, поначалу казалась мне совсем не похожей на тех учёных, с которыми я привык ездить в экспедиции: никаких лопат, никаких раскопов. Зато в её сумке всегда лежали лупа, тонкая папка с копиями древних карт и маленький блокнот, в который она записывала всё — от надписей на камнях до того, как пахнет пыль в заброшенных библиотеках.

Мы начали с малого: вместе разбирали архивы в старом здании университета, где пахло сыростью и старой бумагой. Хелена терпеливо объясняла, как по едва заметным пометкам на полях можно понять, кто и когда держал какие-нибудь древние предметы в руках, а я всё время порывался что-нибудь откопать. Но однажды она вытащила из стопки с пожелтевшими листами потрёпанную карту с латинской надписью и сказала: «Смотри, тут что-то не сходится». И вот с этого-то «не сходится» всё и началось.

Карта, что была выкуплена за бесценок Хеленой в одном из портов Лиссабона у какого-то еле видящего своим единственным глазом старикашки, занесла нас так далеко, что позже мы уже выбирались из Индо-Малайского региона (джунглей) — Южной и Юго-Восточной Азии без ничего: без каких-либо открытий и даже без средств, только путаница полной бессмыслицы. Каждая новая зацепка словно пыталась исправить ошибку. Мы поняли, что старик из Лиссабона продал Хелене вовсе не фальшивку, а зашифрованный палимпсест — карту, поверх которой много веков назад намеренно нанесли ложные ориентиры. Настоящий же маршрут читался только через призму других документов. И наше фиаско в Юго-Восточной Азии сменилось чередой

невероятных находок, когда к делу подключились старые связи из наших кругов. Однако это было только началом. Постепенно мы заводили всё больше и больше знакомств, которые открывали перед нами двери к всё новым и интересным людям и местам. По мере продвижения, мы набирались опыта, собирали артефакты и даже обретали ценные реликвии, что делали для нас целыми открытиями. Но то, что произошло дальше и куда занесло нас всей экспедиционной группой было в сотни раз загадочнее и не укладывалось в наших головах. События, которые развернулись перед нами, представляли собой нечто настолько невероятное, что наши умы не могли полностью переварить и осознать произошедшее. Все это, столь глубокое и многогранное, оставило неизгладимый след в памяти каждого участника, требуя времени и усилий для осмысления.

В 1960 году из секретного прибайкальского тупика вышел литерный поезд-эшелон № 404. На его платформах под брезентом угадывались контуры тяжелой техники, а три пассажирских вагона занимали ученые-геологи, археологи, гидрологи, палеографы и полный состав взвода охраны. Поезд ушел по недостроенной ветке вглубь Восточного Саяна и бесследно исчез. Никто его больше так и не видел. Строились бесчисленные догадки: упрямо выдвигаемые учёными версии и теории, были задействованы всевозможные поисковые отряды, которые только могли быть подключены, — все они сплошь оказались бессильны. Вскоре этот отрезанный кусок тайги площадью в тридцать тысяч квадратных километров на картах заштриховали, присвоив статус «Аномальная зона № 9».

Граница едва обитаемого мира для нас закончилась ещё в поселке Орлик. Дальше, к самому сердцу Восточного Саяна, вела лишь чуть заметная нитка старого тракта, которая быстро растворялась в дикой, припорошенной первым ноябрьским снегом тайге.

Я затянул стропы рюкзака, чувствуя, как морозный воздух стал болезненно давить на глаза и отдавать в мозг и в виски тяжелым давлением, а затем, тяжело переступая, начал движение к остальным.

Хелена ждала меня у кромки поваленной замёрзшей лиственницы. Её пуховик, густо облепленный колючим инеем, делал её похожей на диковинную белую птицу. Она держала в руках свой неизменный блокнот, пряча пальцы в шерстяные рукава свитера, что торчал из под пуховика. Рядом переминались с ноги на ногу трое наших проводников-бурят из Улан-Удэ и двое крепких парней-геофизиков из Иркутска, которых мы наняли в последний момент. Вся остальная наша группа во главе с буром твёрдо двигалась вперёд; вскоре они растворились на горизонте, превратившись в едва различимые точечки. И

только мы всё отставали, шагая в хвосте колонны, разрываясь в целую милю с ними.

Мы уперто и терпеливо углублялись в Зону № 9. Местность вокруг менялась, и таежные увалы Восточного Саяна сменились узкими, глухими скальными нагромождениями. То, что больше шестидесяти лет этот эшелон не могли найти ни поисковые отряды, ни современные спутники, казалось невероятным. Объяснение было сугубо прагматичным, но оттого не менее поразительным. Поезд № 404 не просто сошел с рельсов в тайге. В результате колоссального горного обвала того же года (1960) огромный пласт породы сдвинулся, и целый отрезок недостроенного пути вместе с составом буквально провалился вглубь известняковой полости (пещеры). Эшелон оказался заживо погребен под землей, на чудовищной глубине более чем в триста метров. Именно по этой причине и не проходили радиосигналы, лишая всякой возможности спастись из этой каменной могилы.

Сутки — ровно столько занял спуск.

Не успели лучи наших диодных фонарей прорезать вековую тьму, как перед нами предстал не столько разбитый поезд, сколько подземный город: вырубленные сооружения, которые являлись основой недостроенных объектов, идеально ровные и длинные проходы, похожие на улицы с тёмными каменными стенами, ясно давали понять — это, вполне вероятно, дело рук какой-нибудь древней скрытой цивилизации. Более того, в этом подземном каньоне мы увидели нечто, что каждого из нас повергло в абсолютный, леденящий шок.

После того как мы приблизились к «ржавому червю», все застыли. Мои ноги сделались ватными, и по спине пробежали капли холодного пота, создавая жуткое ощущение непонимания. Мурашки по всему телу превратились в острое, волнующее покалывание, словно миллионы игл пронзали каждый миллиметр моей кожи.

Все мертвы. Каждый из них. Смерть застала их внезапно. Эти люди, пропавшие шестьдесят с лишним лет назад, застыли вместе со временем, как оловянные солдатики: их одежда, обувь и даже выражения лиц сохранились в пугающих деталях. Окаменевшие и обречённые навеки вечные с приборами в руках, они находились совершенно в других местах, далеких от того, где и произошла чудовищная катастрофа на этой неизведанной Богом земле. Их сердца не бились, а тела заледенели, точно холоднее льда, хотя температура не превышала и 77 градусов по Фаренгейту. Всё это было очень пугающе и странно. И, несомненно, всё это ещё долго будет являться мне каким-то кошмаром.

Мы провели две с половиной недели на этой глубине, тщательно исследуя заброшенный эшелон с останками и загадочный подземный город, высеченный прямо в скальной породе, который по своей таинственности напоминал масштабную и легендарную Каппадокию.

Я посмотрел на Хелену. В её глазах стояли слезы перед этим вечным, намертво неподвижным памятником науки.

Когда спустя восемнадцать дней мы наконец-таки свернули лагерь и выбрались на поверхность, морозный воздух по-прежнему давил на виски, и вся напряженность, что была со мной всё время, никуда не делась. В наших рюкзаках лежали дневники, карты и важнейшие записи, которые, впоследствии, я более чем уверен, изменят представление об археологии и геологии.

Я вытащил карандаш и на своей миллиметровке твердой, привычной рукой поставил жирную крестообразную точку.

Отныне зона № 9 стала частью истории, чего-то великого и незабытого.